

Л.Д. Троцкий

Немецкая революция и сталинская бюрократия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Л11

Л11 **Л.Д. Троцкий**
Немецкая революция и сталинская бюрократия / Л.Д. Троцкий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 96 с.

ISBN 978-5-4241-2536-2

Эта книжка была написана в январе 1932 года и опубликована тогда же в Германии и в других странах группами Международной Левой Оппозиции. В ней Лев Троцкий выясняет природу фашизма, разоблачает подрывную роль сталинской бюрократии, которая своей теорией «социал-фашизма» раскальвала рабочее движение, и борется за политику единого фронта пролетарских организаций против угрозы фашизма..

ISBN 978-5-4241-2536-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Л.Д. Троцкий, 2021

Л. Троцкий.
Немецкая революция и
сталинская бюрократия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский капитализм оказался самым слабым звеном империалистской цепи вследствие своей крайней отсталости. Германский капитализм обнаруживает себя в нынешнем кризисе, как самое слабое звено, по противоположной причине: это самый передовой капитализм в условиях европейской безвыходности. Чем большая динамическая сила заложена в производительные силы Германии, тем более они должны задыхаться в государственной системе Европы, похожей на «систему» клеток захудалого провинциального зверинца. Каждый поворот конъюнктуры ставит германский капитализм перед теми задачами, которые он пытался разрешить посредством войны. Через правительство Гогенцоллерна немецкая буржуазия собиралась «организовать Европу». Через правительство Брюнинга-Курциуса она сделала попытку... таможенной унион с Австрией. Какое страшное снижение задач, возможностей и перспектив! Но и от унион пришлось отказаться. Вся европейская система стоит на куриных ножках. Великая спасительная гегемония Франции может опрокинуться, если несколько миллионов австрийцев присоединятся к Германии.

Европе, и прежде всего Германии, нет движения вперед на капиталистическом пути. Временное преодоление нынешнего кризиса автоматической игрой сил самого капитализма – на костях рабочих – означало бы возрождение на самом близком этапе всех противоречий, только в еще более сгущенном виде.

Удельный вес Европы в мировом хозяйстве может только снижаться. Со лба Европы и так уже не сходят американские ярлыки: план Дауса, план Юнга, мораторий Хувера. Европа прочно посажена на американский паек.

Загнивание капитализма означает социальное и культурное загнивание. Для планомерной дифференциации наций, для роста пролетариата, за счет сужения промежуточных классов, дорога закрыта. Дальнейшая затяжка социального кризиса может означать лишь пауперизацию мелкой буржуазии и люмпенское перерождение все больших слоев пролетариата. Острее всего эта опасность держит за горло передовую Германию.

Самой гнилой частью загнивающей капиталистической Европы является социал-демократическая бюрократия. Она начинала свой исторический путь под знаменем Маркса и Энгельса. Своей целью она ставила низвержение господства буржуазии. Могущественный подъем капитализма захватил ее и поволок за собою. Она отказалась сперва на деле, потом и на словах от революции во имя реформы. Каутский, правда, долго еще защищал фразеологию революции, приспособляя ее к потребностям реформизма. Бернштейн, наоборот, требовал отказа от революции: капитализм входит в эпоху мирного процветания, без кризисов и войн. Образцовое пророчество! Могло казаться, что между Каутским и Бернштейном непримиримое противоречие. На самом деле они симметрично дополняли друг друга, как левый и правый сапог реформизма.

Разразилась война. Социал-демократия поддержала войну во имя будущего процветания. Вместо процветания пришел упадок. Теперь задача состояла уже не в том, чтобы из несостоятельности капитализма выводить необходимость революции; также и не в том, чтобы посредством реформ примирить рабочих с капитализмом. Новая политика социал-демократии состояла в том, чтобы спасти бур-

жуазное общество ценою отказа от реформ.

Но и это оказалось не последней ступенью падения. Нынешний кризис агогизирующего капитализма заставил социал-демократию отказаться от плодов долгой экономической и политической борьбы и свести немецких рабочих на уровень жизни их отцов, дедов и прадедов. Нет исторического зрелища, более трагического и вместе отталкивающего, чем злокачественное гниение реформизма среди обломков всех его завоеваний и надежд. Театр гонится за модернизмом. Пусть ставит почаще гауптмановских «Ткачей»: самая современная из пьес. Но пусть директор театра не забудет отвести первые ряды вождям социал-демократии.

Впрочем, им не до зрелищ: они пришли к последнему пределу приспособляемости. Есть уровень, ниже которого рабочий класс Германии добровольно и надолго спуститься не может. Между тем борющийся за свое существование буржуазный режим этого уровня признавать не хочет. Исключительные декреты Брюнинга – только начало, только прощупывание почвы. Режим Брюнинга держится трусливой и вероломной поддержкой социал-демократической бюрократии, которая сама держится на угрюмом полудоверии части пролетариата. Система бюрократических декретов неустойчива, ненадежна, недолговечна. Капиталу нужна иная, более решительная политика. Поддержка социал-демократии, оглядывающейся на собственных рабочих, не только недостаточна для его целей, – она уже начинает его стеснять. Период полумер прошел. Чтобы попытаться найти выход, буржуазии надо начисто освободиться от давления рабочих организаций, надо убрать, разбить, распылить их.

Здесь начинается историческая миссия фашизма. Он поднимает на ноги те классы, которые непосредственно возвышаются над пролетариатом и боятся быть ввергнуты в его ряды, организует и милитаризирует их на средства финансового капитала, под прикрытием официального государства, и направляет их на разгром пролетарских организаций, от самых революционных до самых умеренных.

Фашизм не просто система репрессий, насилий, полицейского террора. Фашизм – особая государственная система, основанная на искоренении всех элементов пролетарской демократии в буржуазном обществе. Задача фашизма не только в том, чтобы разгромить коммунистический авангард, но и в том, чтобы удерживать весь класс в состоянии принудительной распыленности. Для этого недостаточно физического истребления наиболее революционного слоя рабочих. Надо разбить все самостоятельные и добровольные организации, разрушить все опорные базы пролетариата и искоренить результаты трех четвертей столетия работы социал-демократии и профсоюзов. Ибо на эту работу, в последнем счете, опирается и компартия.

Социал-демократия подготовила все условия для торжества фашизма. Но этим самым она подготовила условия своей собственной политической ликвидации. Возлагать на социал-демократию ответственность за исключительное законодательство Брюнинга, как и за угрозу фашистского варварства – совершенно правильно. Отождествлять социал-демократию с фашизмом – совершенно бессмысленно.

Своей политикой во время революции 1848 года либеральная буржуазия подготовила торжество контрреволюции, которая затем ввергла либерализм в

бессилие. Маркс и Энгельс бичевали немецкую либеральную буржуазию не менее резко, чем Лассаль, и глубже его. Но когда лассальянцы валили феодальную контрреволюцию и либеральную буржуазию в «одну реакционную массу», Маркс и Энгельс справедливо возмущались этим фальшивым ультрарадикализмом. Ложная позиция лассальянцев делала их в некоторых случаях невольными пособниками монархии, несмотря на общий прогрессивный характер их работы, неизмеримо более важной и значительной, чем работа либерализма.

Теория «социал-фашизма» воспроизводит основную ошибку лассальянцев на новых исторических основах. Сваливая национал-социалистов и социал-демократов в одну фашистскую массу, сталинская бюрократия скатывается к таким действиям, как поддержка гитлеровского референдума: это нисколько не лучше лассалевских комбинаций с Бисмарком.

В своей борьбе против социал-демократии немецкий коммунизм должен на нынешнем этапе опираться на два раздельных положения: а) политическую ответственность социал-демократии за могущество фашизма; б) абсолютную непримиримость между фашизмом и теми рабочими организациями, на которых держится сама социал-демократия.

Противоречия германского капитализма доведены сейчас до того напряжения, за которым неизбежно следует взрыв. Приспособляемость социал-демократии достигла предела, за которым идет уже самоуничтожение. Ошибки сталинской бюрократии подошли к грани, за которой следует катастрофа. Такова триединая формула, характеризующая положение в Германии. Все стоит на острие ножа.

Когда следишь за немецкой жизнью по газетам, которые приходят с запозданием почти на неделю; когда рукописи нужна новая неделя, чтобы преодолеть расстояние между Константинополем и Берлином, после чего пройдут еще недели, пока брошюра дойдет до читателя, невольно говоришь себе: не будет ли слишком поздно? И каждый раз снова отвечаешь себе: нет, армии, которые вовлечены в борьбу, слишком грандиозны, чтобы можно было опасаться единовременного, молниеносного решения. Силы немецкого пролетариата не исчерпаны. Они еще даже не пришли в движение. Логика фактов будет с каждым днем говорить более повелительно. Это оправдывает попытку автора подать свой голос, хотя бы и с запозданием на несколько недель, т. е. на целый исторический период.

Сталинская бюрократия решила, что она спокойнее будет выполнять свою работу, если автора этих строк запереть на Принципо. От правительства социал-демократа Германа Мюллера она добилась отказа в визе для... «меньшевика»: единый фронт был в этом случае осуществлен без колебаний и промедлений. Сегодня сталинцы сообщают в официальных советских изданиях, что я «зашиваю» правительство Брюнинга по соглашению с социал-демократией, которая хлопочет о предоставлении мне права въезда в Германию. Вместо того, чтобы возмущаться низостью, посмеемся над глупостью. Но пусть смех наш будет короток, ибо времени мало.

Что ход развития докажет нашу правоту, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Но какими путями история поведет свое доказательство: катастрофой сталинской фракции или победой марксистской политики?

В этом сейчас весь вопрос. Это вопрос судьбы немецкого народа, и не только его одного.

Вопросы, которые разбираются в этой брошюре, родились не вчера. Вот уже 9 лет, как руководство Коминтерна занимается переоценкой ценностей и дезорганизует международный пролетарский авангард при помощи тактических конвульсий, которые в сумме своей называются «генеральной линией». Русская левая оппозиция (большевики-ленинцы) сложилась не на основе русских только, а на основе международных вопросов. Проблемы революционного развития Германии занимали среди них не последнее место. Острые разногласия в этой области начались с 1923 года. Автор настоящих страниц высказывался в течение этих лет по спорным вопросам не раз. Значительная часть его критических работ издана и на немецком языке. Настоящая брошюра преемственно входит в теоретическую и политическую работу левой оппозиции. Многое, что здесь упомянуто лишь вскользь, подверглось в свое время детальной разработке. Мне приходится отослать читателя в частности к моим книгам: «Интернациональная революция и Коминтерн», «Перманентная революция» и др. Сейчас, когда разногласия встают перед всеми в аспекте великой исторической проблемы, можно гораздо лучше и глубже оценить их истоки. Для серьезного революционера, для действительного марксиста это безусловно необходимо. Эклектики живут эпизодическими мыслями, импровизациями, возникающими под толчками событий. Марксистские кадры, способные руководить пролетарской революцией, воспитываются только при постоянной преемственной проработке задач и разногласий.

Л. Т.

Принципо, 27 января 1932 г.

I. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

«Железный фронт» есть в основе своей блок могущественных по численности социал-демократических профессиональных союзов с бессильными группами буржуазных «республиканцев», потерявших всякую опору в народе и всякое доверие к себе. Если мертвые не годны для борьбы, то они достаточно хороши, чтобы мешать бороться живым. Буржуазные союзники служат социал-демократическим вождям, как узда, надетая на рабочие организации. Борьба, борьба... это только так говорится. В конце концов, даст бог, обойдется без боя. Неужели фашисты так-таки и решатся от слов перейти к делу? Они, социал-демократы, на это никогда не решались, а ведь они не хуже людей.

На случай действительной опасности социал-демократия свои надежды возлагает не на «железный фронт», а на прусскую полицию. Обманчивый расчет! То обстоятельство, что полицейские набирались в значительном числе из социал-демократических рабочих, ровно ничего не говорит. Бытие и тут определяет сознание. Рабочий, ставший полицейским на службе капиталистического государства, является буржуазным полицейским, а не рабочим. За последние годы этим полицейским приходилось гораздо больше бороться с революционными рабочими, чем с национал-социалистическими студентами. Такая школа не проходит даром. А главное: каждый полицейский знает, что правительства меняются, а полиция остается.

В новогодней статье дискуссионного органа социал-демократии «Дас Фрайе Ворт» (что за жалкий журнальчик!) разъясняется высший смысл политики «толерирования». Против полиции и рейхсвера Гитлер, оказывается, никогда не сможет прийти к власти. Рейхсвер же по конституции подчинен президенту республики. Следовательно, до тех пор, пока во главе государства будет стоять верный конституции президент, фашизм не опасен. Нужно поддерживать правительство Брюннинга до президентских выборов, чтобы в союзе с парламентарной буржуазией выбрать конституционного президента и тем еще на 7 лет закрыть Гитлеру дорогу к власти. Мы извлекаем содержание статьи с полной точностью¹. Массовая партия, ведущая за собою миллионы (к социализму!), считает, что вопрос о том, какой класс окажется у власти в нынешней насквозь потрясенной Германии, зависит не от боевой силы немецкого пролетариата, не от штурмовых колонн фашизма, даже не от состава рейхсвера, а от того, будет ли чистый дух Веймарской конституции (при необходимом количестве камфоры и нафталина) водворен в президентском дворце. А что если веймарский дух признает в известной обстановке, вместе с Бетман-Гольвегом, что «нужда не знает законов»? А что если бренная оболочка веймарского духа, несмотря на нафталин и камфору, рассыпется в самый неподходящий момент? А что если... но таким вопросам нет конца.

Политики реформизма, эти ловкие дельцы, тертые интриганы и карьеристы, опытные парламентские и министерские комбинаторы, как только ход вещей выбрасывает их из привычной сферы и ставит перед большими событиями, оказываются – нельзя найти более мягкого выражения – круглыми дураками.

Надежда на президента и есть надежда на «государство». Пред лицом надвигающегося столкновения пролетариата и фашистской мелкой буржуазии – оба

лагеря вместе составляют подавляющее большинство немецкой нации – марксисты из «Форвертса» зовут на помочь ночного сторожа. «Государство, на-жми!» (Staat, greif zu!). Это значит: «Брюнинг, не вынуждай нас обороняться силами рабочих организаций, ибо это поставит на ноги весь пролетариат, и тогда движение перерастет через лысины партийного Правления: начавшись, как антифашистское, оно закончится, как коммунистическое.

На это Брюнинг, если бы он не предпочитал молчать, мог бы ответить: «Полицейскими силами совладать с фашизмом я не мог бы, если бы и хотел; но я не хотел бы, если бы и мог. Привести рейхсвер в движение против фашистов значило бы расколоть рейхсвер, если не толкнуть его целиком против себя; но главное: повернуть бюрократический аппарат против фашистов значило бы развязать руки рабочим, вернуть им полную свободу действия: последствия были бы те самые, которых вы, социал-демократы, боитесь и которых я, поэтому, боюсь вдвоем».

На государственный аппарат, на судей, на рейхсвер, на полицию призывы социал-демократии должны производить действие, обратное тому, на какое рассчитаны. Наиболее «лояльный», наиболее «нейтральный», наименее связанный с национал-социалистами чиновник должен рассуждать так: «За социал-демократами стоят миллионы; в их руках огромные средства: печать, парламент, муниципалитеты; дело идет об их собственной шкуре; в борьбе против фашистов поддержка коммунистов им обеспечена; и тем не менее эти могущественные господа обращаются ко мне, чиновнику, чтобы я их спас от наступления много-миллионной партии, вожди которой завтра могут стать моим начальством: плохи должны быть дела господ социал-демократов, совсем безнадежны... Пора мне, чиновнику, подумать и о своей шкуре». В результате колебавшийся до вчерашнего дня «лояльный», «нейтральный» чиновник непременно перестрахуется, т. е. свяжется с национал-социалистами, чтобы обеспечить свой завтрашний день. Так пережившие себя реформисты и по бюрократической линии работают на фашистов.

Приживалка буржуазии, социал-демократия обречена на жалкий идейный паразитизм. Она то подхватывает идеи буржуазных экономистов, то пытается использовать осколки марксизма. Процитировав из моей брошюры соображения против участия компартии в гитлеровском референдуме, Гильфердинг заключает: «Поистине нечего прибавлять к этим строкам, чтобы объяснить тактику социал-демократии по отношению к правительству Брюнинга». Выступают Реммеле и Тальгеймер: «смотрите, Гильфердинг опирается на Троцкого». Выступает фашистский желтый листок: за это дело Троцкому заплачено обещанием визы. Выступает сталинский журналист и телеграфирует сообщение фашистской газеты в Москву. Редакция «Известий», в которой сидит несчастный Радек, печатает телеграмму. Эта цепь заслуживает того, чтобы ее отметить и – пройти мимо.

Вернемся к более серьезным вопросам. Гитлер может позволить себе роскошь борьбы против Брюнинга только потому, что буржуазный режим в целом опирается на спину половины рабочего класса, руководимой Гильфердингом и К°. Если бы социал-демократия не вела политику классовой измены, то Гитлер, не говоря уж о том, что он никогда не достиг бы нынешней силы, цеплялся бы за правительство Брюнинга, как за якорь спасения. Если бы коммунисты опрокинули Брюнинга совместно с социал-демократией, то это был бы факт крупней-

шего политического значения. Последствия его во всяком случае переросли бы через головы вождей социал-демократии. Гильфердинг пытается найти оправдание своей измени в нашей критике, которая требует, чтоб коммунисты считались с изменой Гильфердинга, как с фактом.

Хотя Гильфердингу «нечего прибавлять» к словам Троцкого, но он все же кое-что прибавляет: соотношение сил, говорит он, таково, что, даже при условии согласованных действий социал-демократических и коммунистических рабочих, не было бы возможности «при форсировании борьбы опрокинуть противника и захватить власть». В этом вскользь, без доказательств брошенном замечании – центр тяжести вопроса. По Гильфердингу в современной Германии, где пролетариат составляет большинство населения и решающую производительную силу общества, совместная борьба социал-демократии и компартии не могла бы передать пролетариату власть! Когда же вообще власть сможет перейти в руки пролетариата? До войны была перспектива автоматического роста капитализма, роста пролетариата, такого же роста социал-демократии. Война оборвала этот процесс, и никакая сила в мире уже не восстановит его. Загнивание капитализма означает, что вопрос о власти должен решаться на основе нынешних производительных сил. Затягивая агонию капиталистического режима, социал-демократия ведет лишь к дальнейшему упадку хозяйственной культуры, к распаду пролетариата, к социальной гангрене. Никаких других перспектив перед ней нет; завтра будет хуже, чем сегодня; послезавтра хуже, чем завтра. Но вожди социал-демократии уже не смеют заглядывать в будущее. Они имеют все пороки обреченно-го на гибель правящего класса: легкомыслие, паралич воли, склонность отбальтываться от событий и надеяться на чудеса. Если вдуматься, то экономические изыскания Тарнова выполняют сейчас ту же «функцию», как утешительные откровения какого-нибудь Распутина...

Социал-демократы вместе с коммунистами не могли бы завладеть властью. Вот он, насквозь трусливый и чванный, образованный (*gebildet*) мелкий буржуа, от темени до пят пропитанный недоверием к массам и презрением к ним. Социал-демократия и коммунистическая партия имеют вместе около 40% голосов, несмотря на то, что измени социал-демократии и ошибки компартии отталкивают миллионы в лагерь индифферентизма и даже национал-социализма. Уже один факт совместных действий этих двух партий, открывая массам новые перспективы, неизмеримо увеличил бы политическую силу пролетариата. Но будем исходить из 40%. Может быть, у Брюнинга больше или у Гитлера? А ведь править Германией могут только эти три группы: пролетариат, партия центра или фашисты. Но у образованного мелкого буржуаочно сидит в костях: представителю капитала достаточно 20% голосов, чтоб править: у буржуазии ведь банки, тресты, синдикаты, железные дороги. Правда, наш образованный мелкий буржуа собирался двенадцать лет тому назад все это «социализировать». Но мало ли чего! Программа социализации – да, экспроприация экспроприаторов – нет, это уж большевизм.

Мы брали выше соотношение сил в парламентском разрезе. Но это кривое зеркало. Парламентское представительство угнетенного класса чрезвычайно преуменышает его действительную силу, и наоборот: представительство буржуазии, даже за день до ее падения, все еще будет маскарадом ее мнимой силы. Только революционная борьба обнажает из-под всех прикрытий действительное

соотношение сил. В прямой и непосредственной борьбе за власть пролетариат, если его не парализуют внутренний саботаж, австро-марксизм и все другие виды предательства, развивает силу, неизмеримо превосходящую его парламентское выражение. Напомним еще раз неоценимый урок истории: уже после того, как большевики овладели, и крепко овладели, властью, они в Учредительном собрании имели меньше трети голосов, вместе с левыми эсерами – меньше 40%. И несмотря на страшную хозяйственную разруху, на войну, на измену европейской, прежде всего германской социал-демократии, несмотря на реакцию усталости после войны, на рост термидорианских настроений, первое рабочее государство стоит на ногах 14 лет. Что же сказать о Германии? В тот момент, когда социал-демократический рабочий вместе с коммунистическим поднимутся для захвата власти, задача окажется на 9/10 разрешена.

Но все же, говорит Гильфердинг, – если бы социал-демократия проголосовала против правительства Брюнинга и тем опрокинула его, это имело бы своим последствием приход фашистов к власти. В парламентской плоскости дело выглядит, пожалуй, так; но дело не стоит в парламентской плоскости. Отказаться от поддержки Брюнинга социал-демократия могла бы только в том случае, если бы решила стать на путь революционной борьбы. Либо поддержка Брюнинга, либо борьба за диктатуру пролетариата. Третьего не дано. Голосование социал-демократии против Брюнинга сразу меняло бы соотношение сил – не на шахматной доске парламента, фигуры которой могли бы нечаянно оказаться под столом, а на арене революционной борьбы классов. Силы рабочего класса при таком повороте не удвоились бы, а удесятерились, ибо моральный фактор занимает не последнее место в борьбе классов, особенно на больших исторических поворотах. Нравственный ток высокого напряжения прошел бы по толщам народа, слой за слоем. Пролетариат уверенно сказал бы себе, что он и только он призван дать ныне иное, высшее направление жизни этой великой нации. Распад и разложение в армии Гитлера начались бы еще до решающих боев. Избегнуть борьбы, конечно, нельзя было бы; но при твердой воле добиться победы, при смелом наступлении победа была бы взята несравненно легче, чем представляет себе теперь самый крайний революционный оптимист.

Не хватает для этого немного: поворота социал-демократии на путь революции. Надеяться на добровольный поворот вождей после опыта 1914-1932 годов было бы самой смеютворной из всех иллюзий. Другое дело – большинство социал-демократических рабочих: они могут совершить поворот и совершают его, – надо им только помочь. Но это будет поворот не только против буржуазного государства, но и против верхов собственной партии.

Тут наш австро-марксист, которому «нечего прибавлять» к нашим словам, попытается снова противопоставить нам цитаты из наших собственных работ: разве не писали мы, в самом деле, что политика сталинской бюрократии представляет собою цепь ошибок, разве не клеймили мы участие компартии в референдуме Гитлера? Писали и клеймили. Но ведь боремся мы со сталинским руководством Коминтерна именно потому, что оно неспособно разбить социал-демократию, вырвать из-под ее влияния массы, освободить локомотив истории от ржавого тормоза. Метаниями, ошибками, бюрократическим ультиматизмом сталинская бюрократия консервирует социал-демократию, каждый раз снова и снова позволяя ей подняться на ноги.